

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<https://imonspb.ru>)

Синаксарь во Святой Великий Четверг. Воспоминание Тайной Вечери.

Стихи на Божественное умовение:

*Ученикам на вечери мыл ноги Бог,
Нога Которого потом на (древо)^[1]
опиралась,
когда-то запрещенное в Эдеме.*

Стихи на Тайную Вечерю:

*Двойная вечеря: ибо вмещает пасху ветхую
И Пасху новую — Владыки Кровь и Тело.*

Стихи на необычайную молитву:

*Молитва — труд до (капель) крови на лице,
Христе, Отцу молился Ты открыто,
Страшился смерти, этим обманув врага.*

Стихи на предательство:

*Обманщики людей! Зачем нужны мечи и колья
Против Того, Кто добровольно
умрет, чтоб мир спасти?*

Святые отцы, всё премудро устроившие, преемственно от божественных апостолов и Священных и Божественных Евангелий заповедали нам в святой и Великий Четверг вспоминать четыре (события): 1) Божественное умовение (ног); 2) Тайную Вечерю и установление Святых Таин; 3) необычайную молитву и,

наконец, 4) предательство.

Поскольку иудейская пасха приходилась на вечер пятницы, а (этой) прообразовательной (пасхе) уместно было сопровождаться и явлением истинной в том, чтобы Агнец — Христос принес Себя в жертву за нас, — то Он, по словам святых отцов, ел пасху с учениками раньше времени, в вечер четверга. Ибо это навечерие и вся пятница считаются у евреев одним днем, — так они исчисляют сутки. [Как говорят некоторые, в том числе и святой Златоуст], Господь с апостолами совершили ее и тогда по закону: во-первых, стоя, препоясанными и обутыми в обувь свою, опираясь на посохи, (соблюдая) и прочее, что повелено, — чтобы не сочли Его нарушителем закона. Приготовил же всё Зеведей — он и был человек, *несущий кувшин воды* (Мк. 14, 13; Лк. 22, 10), по мнению Афанасия Великого, хотя другие думают иначе. Потом, когда уже наступила ночь, Господь, открывая ученикам превосходнейшее, преподал им в горнице и таинство новой Пасхи. *Во время вечери*, говорит (Евангелие), *Он возлежал с двенадцатью* (ср.: Ин. 13, 2; Мф. 26, 20). — Очевидно, не это была законная пасха, потому что (здесь) вечера, возлежание, хлеб и вино, а там все испеченное на огне и опресноки, (была же она) прежде начала вечери [ибо так пишет божественный Златоуст]. — (Потом) *Иисус встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду, влил воду в умывальницу (и начал умывать ноги ученикам)* (Ин. 13, 4), делая всё Сам, чем одновременно и пристыдил Иуду, и вместе с тем напомнил другим ученикам, чтобы не искали первенства. Этому Он учил и после умовения, говоря: *кто хочет быть первым, да будет последним из всех* (ср.: Лк. 22, 26; Мк. 10, 44), Самого Себя поставив в пример (Ин. 13, 15). Оказывается, раньше других Христос умыл ноги Иуды, бесстыдно севшего на первое место; а потом подошел к Петру, но тот, имея самый горячий нрав, запретил Учителю (делать это) и снова разрешил (омыть) *не только ноги, но и руки и голову* (Ин. 13, 8—9). Омыв же их ноги и показав странное возвышение через смирение (ср.: Лк. 18, 14), надев одежду Свою и возлегши опять, наставлял их любить друг друга и не стремиться к начальству. Когда они ели, Он начал говорить о предательстве. Поскольку ученики *недоумевали, о ком Он говорит* (Ин. 13, 22), то Иисус тайно сказал одному Иоанну: *тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам, предаст Меня* (Ин. 13, 26), — ведь если бы услышал это Петр, то, как самый вспыльчивый, он убил бы Иуду. И еще сказал: *обмакивающий со Мною руку в блюдо* (Мк. 14, 20), так как было и то, и другое. Потом, в конце вечери, *взяв хлеб, сказал: примите, ядите. Также и чашу, говоря: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета; сие творите в Мое воспоминание* (ср.: Мк. 14, 22—24; Лк. 22, 19—20; Мф. 26, 26—28); впрочем, совершая это, и Сам ел и пил с ними. Обрати внимание, что Он называет Своим Телом хлеб, а не опреснок, поэтому да устыдятся приносящие для (евхаристической) жертвы пресный хлеб.

И после (сего куска) хлеба вошел в Иуду сатана (Ин. 13, 27), — искушавший его прежде (извне) теперь окончательно вселился в него. И выйдя, говорит (Евангелие), Иуда договорился с первосвященниками, что предаст им Учителя за тридцать сребреников (ср.: Лк. 22, 3—5; Мф. 26, 14—15).

После вечери ученики пошли на гору Елеонскую, в одно селение, называемое Гефсимания. Тогда говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь. Петр сказал Ему: если и все (соблазняются), я не отрекусь от Тебя (ср.: Мф. 26, 30—31, 33; Мк. 14: 26—27, 29, 32). Было уже поздно, то есть глубокая ночь. И говорит ему Иисус: прежде нежели дважды пропоет петух, трижды отречешься от Меня (Мк. 14, 30). Так и произошло, когда Петр был объят сильным страхом, потому что Бог показал немощь (человеческого) естества, и еще потому, что вручил ему ключи Царства Небесного, — чтобы тот, познав на себе непостоянство (нашей) природы, был милостив к согрешающим. Впрочем, отречение Петра, бывшее три раза, изображало грех всех людей перед Богом: первый раз — преступление заповеди Адамом; второй — преступление писаного закона; а третий — (преступление против) Самого воплощенного Слова. Это троекратное отречение Спаситель впоследствии исцелил троекратным исповеданием, трижды спросив: Петр, любишь ли ты Меня? (Ин. 21, 15—17).

Тогда Иисус сказал ученикам [показывая человеческое свойство — что смерть страшит всех]: душа Моя скорбит смертельно (Мф. 26, 38; Мк. 14, 34). И, отойдя на вержение камня (Лк. 22, 41), помолился три раза, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя (Мф. 26, 42). И еще: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия (Мф. 26, 39). Это говорил Он и по человеческой природе, и вместе с тем искусно обходя диавола, чтобы тот, считая и Его (простым) человеком из-за того, что Он может бояться смерти, не остановил (совершающегося) на кресте таинства. Возвратившись же и найдя учеников спящими, Господь обратился к Петру, говоря: так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною? (Мф. 26, 40) — то есть: ты, обещавший идти (со Мной) даже на смерть, спишь вместе с другими.

Перейдя на другую сторону потока Кедрон, где был сад, Иисус вошел в него с учениками Своими. Он имел обыкновение часто приходить туда, почему знал это место и Иуда (см.: Ин. 18, 1—3), который, взяв отряд воинов, пришел, и с ним множество народа, и, подойдя к Иисусу, дал им знак целованием. Так они условились, потому что много раз Христос, будучи преследуем, уходил незамеченным; как и здесь Он Сам первый вышел к ним, спросив: кого ищете? (Ин. 18, 4), — и опять они Его не узнавали, но не из-за темноты, ибо были с горящими факелами и светильниками, говорит евангелист (Ин. 18, 3), и в страхе отступили назад и пали на землю (Ин. 18, 6); затем снова подошли, и Он Сам

отвечал им: *это Я* (Ин. 18, 8). Когда Иуда сделал им знак, Христос сказал: *друг, для чего ты пришел? То есть делай то, для чего ты пришел* (см.: Мф. 26, 50). И еще (сказал): *как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня?* (Мк. 14, 48; Лк. 22, 52). Пришли же они ночью, чтобы не сделалось возмущения в народе. Самый пылкий — Петр извлек меч, так как на вечери они были приготовлены к этому, и ударив первосвященникова раба, по имени Малх, отсек ему правое ухо (см.: Ин. 18, 10). Иисус знал, что первосвященники говорят, будто Он неправильно понимает и изъясняет закон, и потому запретил Петру, — ведь ученику духовного мужа не подобает применять оружие, — а Малхово ухо исцелил. *(Тогда воины и служители иудейские)*, взяв Иисуса, привели Его, связанного, во двор первосвященника Анны, который был тесть Каиафе (см.: Ин. 18, 12—13). Там уже собрались все обвиняющие Христа фарисеи и книжники. Здесь же произошло отречение Петра перед служанкой, среди ночи петух запел в третий раз; и Петр, вспомнив (слово Господа), горько заплакал. Под утро от Анны Христа привели к первосвященнику Каиафе, где Иисус претерпел оплевание и куда были призваны лжесвидетели. А на рассвете Каиафа послал Его к Пилату. Приведшие Его, говорит (евангелист), *не вошли в преторию, чтобы не оскверниться, но чтобы (можно было) есть пасху* (Ин. 18, 28). Поэтому предполагается, что первосвященники и фарисеи, возможно, нарушили закон, перенесли Пасху, как говорит божественный Златоуст^[2]. Ибо им подобало есть ее в ночь (на пятницу), но ради убийства Иисуса они отложили ее. А что именно тогда они должны были вкушать ее, — показал Христос, Который той ночью вначале ел пасху, а потом научил совершенному Таинству, — или же (Он сделал так)^[3] потому, что, как сказано выше, вместе с законным прообразом подобало явиться и истине. И Иоанн (тоже) отмечает, (что это произошло) *перед праздником Пасхи* (Ин. 13, 1).

Из-за того, что все сие совершилось тогда в четверг и его ночь, мы (сегодня) и празднуем, благоговейно творя воспоминание тех страшных и непостижимых дел и событий.

Христе Боже наш, по невыразимому Твоему милосердию помилуй нас. Аминь.

^[1] То есть древо Креста.

^[2] На Мф. беседа 84.

^[3] То есть ел пасху в ночь четверга, хотя положено было в вечер пятницы; но Господь, как истинный Агнец и наша Пасха, в пятницу хотел уже быть закланным — одновременно с прообразующим Его пасхальным агнцем, — и потому заранее вкусил пасху с учениками (см. также синаксарь в Великую Пятницу).

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский
ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга
<https://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45
Проезд: ст. метро "Петроградская"
Телефон: +7-812-234-24-27